

18+

тэ Мэй
Нечаянная
радость

Ю Мэй

Нечаянная радость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64038431

ISBN 9785005329868

Аннотация

Молиться Богу и не верить в чудо – так по-человечески. 8 лет назад родители устроили судьбу Алены, удачно выдав замуж за энергичного, амбициозного Дмитрия. Ей не о чем беспокоиться. Супруг богат и позволяет ей не задумываться о нуждах насущных. Единственная ее тревога – отсутствие детей. Алена посвящает себя творчеству. И все идет размеренно до того момента, пока она не застаёт мужа в объятиях подруги. Финал или новый поворот?

Содержание

1 глава	5
2 глава	12
3 глава	19
4 глава	34
5 глава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нечаянная радость

Ю Мэй

© Ю Мэй, 2021

ISBN 978-5-0053-2986-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Полуденное июльское солнце поблескивало в глянцевых окнах фитнес клуба. Угловатая блондинка сбавила торопливый шаг, и прищурившись от ярких лучей, оглядела здание. За гладкими стеклами маячили тени, бегающие, прыгающие, танцующие. Через пять-шесть часов супруг Алены займет свое место за одним из окон. Его фигура гармонично впишется в этот завораживающий спортивно-танцевальный ансамбль. Он попыхтит в клубе до позднего вечера, несмотря на усталость и на то, что уже больше недели провел в командировке. «Спорт делает меня счастливым. Только движение, только вперед. А сидеть дома – значит разлагаться», – любит повторять Дмитрий жене, матери, подчиненным, друзьям, новым знакомым, случайным попутчикам. Он уже давно не приглашает Алену присоединиться. Супруга слишком закомплексована. Да и дома ей сидеть нравится. А ему нет. Брак ведь не повинность, почему они не могут жить каждый так, как хочет?

По обыкновению, Алена болезненно поморщилась при виде посетителей фитнес клуба. Каждый раз она немного завидует находящимся в спортивных залах, потому что слишком стеснительна и ни за что не позволит себе свободы движений с таким же достоинством, как те люди за стеклом. И похвастать ей нечем. Разве что плоской грудью и абсолют-

ным отсутствием грации. Да и общество ее всегда напрягает. Кроме того, она бережет нервы. Муж у нее красавец. Высокий, статный, с рельефным спортивным телом и правильными чертами лица. Метисы от природы красивые. Она, увы, никогда ему не соответствовала. Девушки щедро одаривают его чувственными взглядами. Алена даже не хотела думать о том, что творится на тренировках. И как бы глупо и нелепо выглядела, она будь рядом с ним в эти часы! Ей достаточно осознавать, что муж – человек порядочный. Безусловно, ему нравится внимание, но возвращается-то он к ней. Даже если и слегка пофлиртует, это не отразится на их семье, поэтому не стоит подвергать себя лишним волнениям.

За высоким стальным забором гудели машины. Обычный суетный день. Удивительно, как много людей в такой час нашли время для фитнеса. Незаметной тенью Алена проскользнула на стоянку, раскинувшуюся перед окнами клуба. Она ласково улыбнулась при виде сверкающей, золотистой матиз, похожей на задорного щенка. Однако машинка ее не порадовала. Глухо чихнула, дернулась и замерла. За полгода такое произошло впервые. Женщина всегда боялась поломки где-нибудь посреди дороги. Она мысленно возблагодарила Небо за то, что это случилось на стоянке. Как и полагается в таких ситуациях не без труда был открыт капот. Ящик, набитый пыльными промасленными трубами, датчиками, металлическими коробками, вызывал массу вопросов. Она что-то слышала про клеммы. Они иногда

вроде как слетают. Потный рыхлый охранник, призванный на помощь, суетливо заверил, что с клеммами все в порядке и пожал плечами. Ему, определенно, было лень возиться и с Аленой, и с ее транспортом сомнительного качества. Алена погладила по капоту свою железную подружку и поплелась на остановку.

Трамвай размеренно стучал колесами по горячим рельсам. В облезлом салоне было душно и безлюдно. Середина лета, разгар рабочего дня, кому ездить на трамвае? Старикам, детям да мамочкам в декрете. Одна такая, слегка растрепанная, с темными кругами под глазами, как раз сидела напротив, прижимая к груди драгоценный кулек. Малышу не больше месяца. Алена тихо вздохнула. Грохочущий трамвай – не самая подходящая обстановка для младенца. Если бы Бог дал ей ребенка... Но Он почему-то не дает. Отец Сергей утешает на каждой исповеди, обещает, что у Творца на все свои планы и они гораздо лучше человеческих. Нужно довериться Богу. Она доверялась пять лет назад, три года назад, даже полгода назад. Но словно от летнего солнца надежды стали таять. Ей уже тридцать. 8 лет она прожила с мужем и ни разу не забеременела. 8 лет ожиданий, лечения, операций и моральной подготовки к главному событию в своей судьбе. Ах, как ей хотелось ребенка! Все сроки вышли. Конечно, многие рожают первенца и в 35, и в 40. У нее было много предрассудков по этому поводу: во-первых, ребенок

может родиться нездоровым, во-вторых, когда ему будет 20, ей – уже будет под 60. Получится ли у нее стать другом своему сыну или дочери, направить, поддержать интересы, позволит ли столь внушительный возраст поспевать за изменчивыми тенденциями в жизни.

По вечерам, пока Дима отжимается и плавает в бассейне, она шьет кукол в своей уютной мастерской и отчаянно ищет новый смысл в жизни. Может, ей пойти в сестры милосердия? Отец Сергей покровительствует сестричеству. Звучит неплохо, но на деле работа лишена романтизма. Придется ухаживать за стариками и больными. Хватит ли ей душевных и физических сил? Да и Димка не одобрит. Как вариант она хотела бы усыновить ребенка. «Если не можешь родить, значит, оставь эту тему. Будем жить без детей», – таков ответ супруга. Больно слышать его укор, хоть он и уверяет, что не винит ее. На этой почве они снова поссорились перед его командировкой. Они расстались не примирившись.

Трамвай остановился на центральной площади. Побродив по тенистому парку вокруг здания театра, тщательно скрытого полосами пыльного белого полотна, Алена направилась в супермаркет. Она купила королевских креветок, бутылку шампанского и полкило крупной ароматной клубники. Утром вернулась Жанна из солнечной Турции. У нее был такой счастливый голос по телефону. Алена уже предвкушала красивую историю о курортном романе. Она спешила устроить подруге сюрприз с шампанским и ягодами. А вечером

она постарается для мужа. Пора прекращать бесполезные придирки и опять выйти на полосу спокойствия и понимания. Алена заглянула в магазин дорогущего нижнего белья. Краснея от смущения, она молча согласилась на первое, что ей предложила консультант. Осталось в точности узнать, как Жанна готовит этих дурацких креветок. В ее исполнении Ди-ма их просто обожает.

Оказавшись у дома подруги, женщина невольно подняла голову, чтобы взглянуть на окна девятого этажа. Сквозь распахнутые створки на улицу вырывался тюль шоколадного цвета. Не зря говорят, сложно забыть человека, с которым у тебя ничего не было. Михаил Волков, хозяин квартиры, был именно таким человеком в жизни Алены. Юношеское увлечение. 15 лет прошло. А она зачем-то каждый раз поднимает глаза на его окна и до сих пор на мгновение теряется, когда едет с ним в лифте. Хорошо, если он окинет ее равнодушным вежливым взглядом. Но как правило он ее даже не замечает и явно не помнит.

Звонить по домофону не пришлось. Грузная старушка с ниткой массивного янтаря на шее выходила из подъезда, сжимая в одной руке ладошку маленького внука, а в другой руль самоката. Алена взяла самокат и снесла со ступенек. Прежде всегда приветливая женщина сегодня испуганно таранилась на нее и даже не поблагодарила. Пока лифт со скрипом вез девушку на пятый этаж, она все размышля-

ла о старухе. Какая странная реакция. Она ее не узнала или всего-навсего старческий маразм?

Двери бесшумно открылись, она вышла на площадку и тут же заскочила обратно. Хаотичное нажатие кнопок дало результат лишь через несколько секунд. Двери наконец закрылись. Лифт снова заскрипел и остановился на девятом этаже. Повисла глухая тишина.

Что это было? Дима обнимал Жанну на пороге ее квартиры. Если даже предположить, что это дружеский жест... Нет, дружеского было мало. Алена закрывала глаза и снова видела эту картину. Его широкую спину в легком льняном пиджаке, ее блестящие черные локоны, спадающие с его плеча, и прикрытые глаза. Он прижимал ее к себе слишком крепко, слишком нежно. Сцена выходила чересчур интимной. Они даже не обратили внимания на скрипящий лифт. Правая щека Алены горела словно от пощечины. Ее трясло. Особенно не слушались руки.

Она сидела на холодных грязных ступенях и не видела ничего, кроме пушистых подрагивающих ресниц подруги и пальцев мужа, впивающихся в ее талию. Все тело оцепенело, мозг словно заклинило. Женщина очнулась только когда начало ломить поясницу, а сидеть стало ощутимо жестко и холодно. Юбка белого хлопкового платья была безнадежно испорчена. Пыльное пятно расплывалось по всему заду, как будто по нему прошли ботинками. Алена растерянно оглядела лестничную клетку. Взгляд уперся в заветную дверь.

Она была приоткрыта. Девушка на автомате подошла ближе и заглянула внутрь. Длинный коридор с молочными стенами убегал вперед. В квартире царила тишина. Дверь покачивалась от сквозняка, но не закрывалась. Под нее подложили какую-то маленькую книжечку. Паспорт?! Алена подняла книжку и быстро пролистала страницы. По спине пробежал неприятный холодок. Не раздумывая, она влетела в квартиру и первым делом бросилась к окнам. Хозяина в комнатах не было и внизу тоже. В ванной горел свет. Дрожащей рукой она потянула дверь на себя.

2 глава

Он давно умер. Давно превратился в ходячий труп, в манекен с бодрой улыбкой на лице и потухшим взглядом. Он до тошноты надоел сам себе со своими дурацкими мыслями, принцами и притязаниями. Слабак! Хочется тишины. Ничего другого больше не хочется.

Самое обидное, что ведь он никогда многого и не хотел: быть нужным, заниматься любимым делом. Он никогда не сомневался в успехе, в том, что его труд нужен другим. Он вообще по жизни оптимист. Был когда-то. Все! Хватит. Он уже непросто двигается по инерции, а медленно, но верно летит вниз. Его снова трясет от похмелья.

Решение не было спонтанным, вызванным эмоциями. Напротив, он с пустой хоть и больной головой навел в квартире порядок, надел свою любимую кремовую рубашку. Бриться не стал. Глупо, конечно, но говорят, после смерти волосы и ногти еще какое-то время растут. Неизвестно, когда обнаружат его тело. В любом случае, кому-то придется взять на себя труд побрить его. Или не придется. Как повезет.

Когда все было готово, Михаил сел за стол и положил перед собой белый лист бумаги и ручку. Он долго думал, что написать. Часа полтора, не меньше, мужчина просидел за столом, вперив невидящий взгляд в извилистый узор на коричневом тюле. Он думал о своей жизни, о жизни во-

обще.

Еще совсем недавно работа была его страстью, театр – любимым детищем. Сколько Михаил старался, чтобы поднять на достойный уровень культуру в глухой провинции. От простого актера он дорос до художественного руководителя. У него великолепная труппа, выращенная из местных талантов, а какие художники, декораторы, портные! Однако посещает театр народ крайне вяло. Учитывая скудные поступления от муниципалитета, театр доживает. И когда директору, бывшему депутату городского собрания, пришла в голову идея впервые за 40 лет отремонтировать и модернизировать здание театра, Михаил ее с радостью поддержал. Вместе с Дороховым они долгое время обивали пороги чиновников. Связи одного, дипломатические качества и известность другого принесли плоды. Деньги обещаны, часть получена. Составлена смета, наняты строители. Труппа спешно переезжает на окраину города в чуть живое ДК Metallургов. Коллектив мужественно принимает пошарпанную, полуразвалившуюся и к тому же крошечную сцену. Ведь это ненадолго. Следующий театральный сезон планировалось открыть уже в обновленном здании. Не тут-то было. Начались проводочки. Руководству снова пришлось выпрашивать уже обещанные деньги. Четыре раза ремонтные работы замораживались. Прошло три года, а театр по-прежнему не принимает гостей. Никого не смущает, что в самом сердце города развернулась бесконечная стройка. Каждая постановка в ДК

Металлургов едва собирает четверть зала. Коллектив начал разбегаться. Михаил особо не сопротивлялся. Гонорары все равно платить не с чего. Он сам выживает только за счет радиоэфира и работы на местном телевидении.

Совсем он отчаялся, когда очередной поход в комитет по финансам не увенчался успехом. Красивый, холеный молодой человек с восточной наружностью развел руками. Дескать, в финансировании нуждаются больницы и детсады. И вообще, торговые центры ведь сами себя обеспечивают.

– А что в театр еще кто-то ходит? – спросил чиновник напоследок, удивленно приподняв брови.

После этого похода Дорохов заявил, что он не видит смысла в новых постановках.

Вот такой финал. А потом ведь в регионах распространено, когда здания культуры отдают под супермаркеты. Народ смолчит, если так выйдет, ибо никто не захочет тревожить свой покой, да и очередной продуктовый магазин лишним не будет.

Поначалу ему хотелось бросить город. А куда он поедет? Начинать сначала, когда тебе уже слегка за 40? Он мог бы совсем сменить поле деятельности. А для чего? Точнее для кого? Пока он полыхал от страстей на скрипучей сцене, время ушло. Почти десять лет назад ушла супруга. А он и не возражал. Между ними понимание как-то быстро испарилось. Она хотела, чтобы он был домоседом, по вечерам гулял с детьми,

по выходным помогал ей по дому. Нет, он не против быта. Но такой образ жизни его душил. В его сердце так много энергии, ее нужно отдавать людям, вкладывать в творческие проекты, а не сидеть перед телевизором долгими вечерами. Душили вечные придирки располневшей от вторых родов и потерявшей уверенность женщины, ей не хватало образованности, поэтому она вечно ревновала и скандалила. Жаль было расставаться с детьми, но мучить себя, ее и малышей было бы гораздо хуже.

Она увезла сына и дочь на другой конец России. Все десять лет он не уставал казнить и распинать себя за разбитую семью, за несчастную женщину и осиротевших детей, но навестил их лишь пару раз. Так честнее. И по отношению к ним, и к нему.

Недавно бывшая супруга снова вышла замуж. Эту новость Михаил переживал болезненно. Жгучий укол ревности и отчаяния он испытывал всякий раз, когда собственные дети во время участившихся телефонных разговоров называли отцом чужого человека. И виноват только он сам.

С другими женщинами у него не получается. Харизма, приятная внешность... он с легкостью завоевывает любую даму. Вот только никто с ним не уживается. Ему нужны чувства, сильные эмоции и, конечно, безоговорочное признание и обожание его не только как мужчины, но и как актера. В принципе, ему хватает того, что он получает на сцене. А дома наигранные приступы нежности и ревности быстро

надоедают.

Стыдно перед самим собой, что так глупо прожег жизнь. Ни любимого дела, ни родного человека. Больно, что были в его жизни и успех, и слава. Сначала от них пьянеешь не хуже, чем от крепкого спиртного. Только опьянение другое. Без головной боли и неприятных последствий. Похоже на чувство полета. Его триумф был настолько ошеломляющим, что он ощутил свободу в полной мере и решил, будто бы может выбирать. Будто бы ему под силу самые сложные пути. Поэтому он остался в провинции. У разбитого корыта как в финале знаменитой сказки. Зато с улыбкой. Хоть и фальшивой.

Михаил долго крутил в руках черно-белую фотографию своих детей. Они там совсем маленькие. Он их знает только такими. Он много раз спрашивал себя, что он к ним испытывает. На каком-то подсознательном уровне это нежность. Но эта нежность задыхается под грудой стыда и вины. Поэтому он предпочитал о них не думать. Решение принято. Они уже мало имеют к нему отношения. Тем более что отец у них теперь есть. И каждый месяц, совершив очередной денежный перевод на имя бывшей супруги, Михаил напивался до полубессознательного состояния в гордом одиночестве в своей квартире на девятом этаже.

Было все. И все пропало. Он оглядывался и повсюду видел только разрушение. Все пропадет, все исчезнет. И он сам умрет. И никто не заметит его ухода. Он как мелкое насеко-

мое. Был и его не станет. Нет, жизнь, конечно, прекрасна, но и она закончится. И нет ни одного мотива, ни одной причины, чтобы задержать и продлить мгновения. Ничего не получится уже никогда. Он прожил целых 42 года и совершенно напрасно. Бессмысленно. Если Бог и есть, то он жесток. И воля Его заключается в том, чтобы мучить и давить человека.

Горько вздохнув, мужчина убрал фотографию и ручку с бумагой в ящик. Адресовать письмо все равно некому.

Он вышел на балкон и неторопливо закурил. Внизу копошилась, бурлила жизнь. Блестели как спинки жуков крыши машин. Куда-то шли сантехники со шлангами на плечах. Женщина в рыжем жилете, с пышным накладным шиномом поливала пеструю клумбу. Механическая рука мусоровоза со скрежетом выгружала в синий кузов переполненные контейнеры. Возле подъезда прыгал малыш, нетерпеливо дергая бабушку за руку. Когда маленькая щуплая женщина в ослепительно-белом поставила перед ним самокат, он жадно схватил его и отталкиваясь правой ногой поехал к мусоровозу. Бабушку, переваливаясь как утка, поспешила за ним, выкрикивая вдогонку угрозы.

Михаил затушил сигарету. Какое чистое синее небо простиралось над ним! Как же нестерпимо пульсировало в висках. По пути в ванную он остановился перед бутылкой коньяка с выдавленными гроздьями винограда на выпуклых стен-

ках. Горло свело от желания пригубить целительную янтарную жидкость. Однако он облизал пересохшие губы и твердым шагом поспешил в ванную. Длинное рыжее полотенце давало больше гарантий на исцеление. Он так и не смог унять дрожь в руках. Он так торопился. Какой-то ненормальный страх, что кто-то страшный настигает его. И единственное спасение – затянуть петлю. Свет в глазах погас слишком быстро и резко. Он замер, вдруг ясно представив идиотскую картину: свое искаженное лицо желто-бордового цвета, выпученные глаза, вывалившийся черный язык и ярко-оранжевое полотенце под подбородком. Был клоуном, так и помер клоуном.

3 глава

Когда Алена распахнула дверь, ее взору предстал мужчина. С одной стороны, до боли знакомый. Потертые механические часы на правой руке и греческий профиль буквально кричали о том, что он родной ей. С другой стороны, чужой совершенно. Она не узнавала эту манеру застегивать все до одной пуговицы на вороте рубашки. И серебристые пряди в его волосах были в новинку. Когда она так беспардонно рассматривала его в последний раз?

Однако все мысли моментально улетучились из головы женщины, как только пришло осознание увиденного. Мужчина сидел на полу, привалившись спиной к голубому кафелю. Его голова была неестественно запрокинута и упиралась затылком в трубу полотенцесушителя. Лицо было до неприятия бледным с синюшным оттенком, черные тени расплывались под закрытыми глазами. Трясущимися руками Алена распутывала петлю из полотенца под его подбородком, стараясь не касаться холодной липкой кожи. Он дышал, совсем слабо, но дышал. Она не знала, как быть дальше, но на всякий случай повернула кран и побрызгала ледяной водой ему на лицо. Вскоре Михаил открыл глаза и судорожно глотнул воздух.

– Ну как вы? – еле слышно проямлила девушка, когда его блуждающий взгляд сфокусировался на ней.

Она была вся в белом, залитая ярким светом. Словно Ангел. В его сердце вспыхнула надежда, что Бог вспомнил о нем и все закончилось. Уголки его побелевших губ дрогнули в робкой улыбке и замерли. Лицо Ангела не источало умиротворение. Grimаса ужаса искажала милovidные черты. Склонившаяся над ним женщина или девочка (так сразу и не скажешь) явно была человеческой. Она заламывала худые руки и звенящим от волнения голосом спрашивала, нужна ли скорая.

– Выйдите, а? – хрипло попросил Михаил после приступа болезненного кашля. Разочарование острой иглой вонзилось в душу. Сменило его отчаяние. Неужели он не может даже умереть нормально?! Без зрителей.

Когда женщина неуверенно закрыла за собой дверь, он повалился на холодный кафельный пол, подтянул колени под подбородок и закрыл глаза. По дну ванны стучали тяжелые капли. Видно, она не до конца затянула кран. Сквозь гул в ушах Михаил вслушивался в размеренный стук и пытался справиться с тряской, охватившей все тело. Периодически горло разрывал сухой болезненный кашель. Ему хотелось завывать от бессилия, стыда и боли. Рядом на полу лежало скрученное в кольцо оранжевое полотенце. Что мешает ему снова набросить петлю? После того, как его вырвало во второй раз, он окончательно понял: на сегодня мужество закончилось. Не осталось ни капли. Можно и так умереть, просто лежать на ледяном полу до самого конца.

Спустя час он вышел из ванной. Организм настойчиво требовал сигарету. Из кухни на мужчину с тревогой глядели пара больших серых глаз. Он замер в недоумении. Почему она еще здесь? Хотя он в подобной ситуации тоже бы остался. Он должен что-то сказать. Извиниться, поблагодарить? Глаза у нее красивые. Серые с зеленоватым оттенком. Густые темно-русые волосы рассыпались тяжелыми волнами по узким плечам. Нитка жемчуга, едва различимая на белом платье под самое горло. Слава Богу, что не ребенок стал свидетелем мерзкого зрелища, всего лишь незнакомая женщина. Так себе женщина. Невысокая и слишком худая, даже костлявая, с совершенно плоской грудью. Вечный подросток.

Девушка поднялась со стула и робко вышла из-за стола. Ее взгляд задержался на багровых пятнах, разливавшихся по его шее. Она сцепила длинные тонкие пальцы в замок и смущенно опустила глаза в пол. Михаил хотел было поднять ворот рубашки, но не стал. Напротив, расправил плечи. Пусть смотрит, раз уж вмешалась. Похоже, никто не собирался нарушать молчание. Почему-то именно она виновато прятала взгляд. А он придирчиво рассматривал незнакомку, а не наоборот.

Злился ли он на нее? И да, и нет. Нет, потому что опять-таки поступил бы как она. Да, потому что не имела права лезть с ненужной сердобольностью и милосердием. А по сути все равно. В следующий раз он закроет дверь. На плите звонко засвистел чайник.

– Чаю? – пискнула она, и добавила твердым голосом:
– Или чего-нибудь покрепче?

Не ответив он ушел курить на балкон.

Пару минут Алена переминалась с ноги на ногу. Ее тело оцепенело от происходящего. Она металась мысленно между двумя картинками: застигнутый врасплах супруг и полутруп в чужой ванной комнате. Порой она специально переключалась на образ Димки в объятиях Жанны, чтобы хоть как-то вытеснить синеющее лицо из своей памяти. Она даже не могла вспомнить, как зажгла горелку под чайником на плите. Горячий чай – хорошо, но вряд ли сильно поможет сейчас. Она принесла из прихожей свой пакет и с тяжелым вздохом извлекла шампанское и клубнику. С бутылкой пришлось повозиться. Проволока легко поддалась. Пробка сидела слишком крепко.

Вскоре в кухню вернулся Михаил и молча забрал у девушки шампанское. Раздался хлопок, бутылка тихо вздохнула. Он достал из белого навесного шкафчика фарфоровую кружку в голубой горох и наполнил ее шипящим вином.

Обхватив кружку ладонями, Алена пила шампанское маленькими глоточками, давилась кислой клубникой и старалась не смотреть на мужчину. Михаил сидел напротив у окна, медленно потягивал коньяк из большого квадратного стакана и казалось совсем забыл о своей гостье.

– Зря отказались от шампанского. Родители с шестнадцати лет стали разрешать мне немножко по праздникам. Мне оно никогда не нравилось. Горький привкус, голова мутная от него. А сегодня очень даже ничего, вкусное. И такое тепло приятное разливается по телу.

Михаил окинул женщину тяжелым взглядом. Господи, откуда взялось это инфантильное существо?

– Чувствую, скоро мне придется делиться с вами коньяком, – хрипло сказал он.

Алена смущенно покраснела и с этой минуты старалась пореже прикладываться к бокалу.

– Кстати, Михаил, – после долгой паузы представился мужчина.

– Знаю, – она улыбнулась.

А он все думает, насколько надо быть безбашенной, чтобы сначала зайти в незнакомую квартиру, а потом распивать с незнакомым мужиком с явно пошатнувшейся психикой. Он пригляделся к ней в надежде вспомнить. Когда спектакль заканчивается, и артисты выходят на поклон, он вглядывается в лица людей.

Память у него хорошая. И сейчас ее лицо ему действительно показалось знакомым. Забавно, поначалу он решил, что перед ним жалкая серая мышь. Но чем больше он на нее смотрел, тем больше понимал, женщина с лоском. Искусный макияж, легкий и прозрачный, освежал лицо и подчеркивал ее милые черты. А волосы... густые, тяжелые, ухоженные.

И наверно мягкие.

Ему нравилось ее платье, хоть и простое, но явно недешевое. Благородный отблеск жемчужных бусин скромно свидетельствовал о том, что ожерелье не имитация. Никакие другие побрякушки типа серег, браслетов не перебивали мягкого сияния жемчуга. Из всех украшений лишь бусы и широкое обручальное кольцо...

– А я вас не знаю.

– Алена, – девушка выдохнула.

– Вы ходите в театр?

– Нет.

Естественно, не ходит. Значит, видела по телевизору на местном шоу или читала где-то. В кухне вновь повисло молчание. С каждым глотком Михаил оживал. Изможденный организм, наконец, отпустила многодневная тряска. Рассудок прояснился, и голова не гудела, только снова начала болеть от звенящей тишины. Ему вдруг сильно захотелось, чтобы все вокруг загрохотало. Неважно: музыка, фейерверк или гремящий на всю улицу мотоцикл, разгоняемый беспечным малолеткой.

Как по заказу раздались раскаты грома. Алена встрепенулась и подошла к окну. Густые свинцовые тучи заволокли все небо. Внизу открывался потрясающий вид. Город как на ладони. Пятиэтажки, магазинчики, школа, игровая площадка, а позади всего этого далекие желтые сопки упирались в почерневшее небо. И на все она смотрела сверху вниз.

Она видела крыши домов с волнами рубероида, крошечных людей, снующих как муравьи. Возникло ощущение, словно она не просто увидела город с другого ракурса, а сама стала выше на 30 метров и теперь разглядывала свои миниатюрные владения. И почему-то все, что было в ее жизни за последние годы, показалось искусственным, ненастоящим, мелочным. Даже стыдно...

– Как красиво! И почему вы выбрали такой способ, если у вас была возможность полетать? – расчувствовавшись, спросила Алена и тут же прикусила губу. Он сидел спиной к подоконнику, от нее на расстоянии руки. В последний раз Михаил находился так близко 15 лет назад. Он совсем не изменился. Ну слегка поправился. И в то же время изменился. Дело даже не в том, что в уголках его глаз пролегли глубокие морщинки, волосы посеребрило время, и ему необходимо подстричься и побриться. Исчезла искорка восторга, налет оптимизма и бодрости. Теперь усталость сквозила в каждой черте, взгляд зиял пустотой. Он молчал, а она мысленно казнила себя за свой неуместный вопрос.

– Хотелось по-тихому, без лишнего шума. Это ведь мое личное дело, – с вызовом произнес он, делая упор на последних словах. – Вы только представьте, как лежите там, внизу, на асфальте со сломанным позвоночником и разможенной головой, а вокруг толпа зевак. Лично я при жизни наелся славы досыта.

От этой мысли он поежился и повернулся к женщине. Его

большие ореховые глаза словно просканировали до глубины души. Она не задумывалась раньше об этом. Конечно, и ей бы хотелось выглядеть достойно даже в мертвом состоянии. Именно поэтому его бежевая рубашка и светлые брюки были идеально отглажены. Хотя они не сделали зрелище более приятным. Смерть всегда отвратительна и уж больно неестественна для живых. Девушка снова посмотрела вниз, облокотившись на подоконник.

– Вот зараза! – с горечью воскликнула Алена. – Он до сих пор здесь. Черный лексус. Номер 353. Как же я его пропустила!

Он устало вздохнул и поднялся, чтобы тоже взглянуть в окно.

– Не против? – мужчина извлек сигарету из блестящей пачки. – Чем машина вам мешает?

Голубой дымок медленно заструился по кухне. Алена жадно втянула воздух. Она обожала душистый запах только что зажженной сигареты и часто, соблазняясь, подумывала о курении. Но вряд ли вредная привычка благополучно скажется на здоровье ее будущих детей. Да и вообще: она будет очень глупо выглядеть с сигаретой в руке.

– Зачем вы сбежали? – выслушав банальную историю, Михаил опрокинул бутылку в почти пустую кружку и протянул девушке, затем взял свой бокал. Ее рассказ показался ему сильно надуманным. Конечно, непонятно, почему супруг Алены обнимал ее лучшую подругу, особенно если

учесть, что их отношения раньше не включали таких прикосновений. Но, в конце концов, не в постели же она их застала.

– Мне всегда неловко устраивать шум. Что мне нужно было сделать? Закатить сцену ревности?

– А может вы просто оставили себе запасной выход?

– Что?! Думаете, я сделаю вид, что ничего не было? – она вскинула головой.

– В этом нет ничего плохого. У вас было 8 прекрасных лет, по вашим же словам. Кто станет судить вас за желание сохранить семью и забыть о слабости мужа, если таковая имеет место быть? Сами говорите, подруга – девушка красивая.

– Ох! – Алена усмехнулась. – Мое сердце не настолько большое для таких широких жестов.

Она посмотрела на него из-за чашки. Его лицо слегка оживилось. Не издевается ли он на над ней? Михаил пожал плечами и сделал глоток. На мизинце блеснула аккуратная серебряная печатка с продолговатым гематитом. Наверно, шампанское ударило в голову. Столько харизмы и обаяния в обычном жесте. Он стоял совсем рядом, даже руку можно не протягивать. Она кожей чувствовала тепло от его тела и хмелела больше от этого, чем от содержимого кружки в синий горошек.

– Какие у вас проблемы? Поделитесь, Михаил, станет легче. Мне стало, даже несмотря на то, что вы меня не поддер-

жали.

– Я целиком и полностью за вас, – быстро отрапортовал он и замолчал.

Такого ответа ей показалось недостаточно. Она выжидающе потягивала шампанское.

– У меня нет проблем, – через несколько минут полной тишины сдался Михаил.

– Я вас плохо понимаю. Не скажу, что совсем, не понимаю. В жизни столько дерьма, что порой и правда, образно говоря, хочется захлопнуть книгу. Но это ведь противоречие человеческой природе. Что у вас на душе? Как на такое можно решиться? Человек инстинктивно борется за жизнь. Что должно произойти, чтобы борьба прекратилась?

Он выслушал ее тираду и снова закурил, периодически прикладываясь к стакану. Ее вопросы были не очень-то приятными, но вполне терпимыми. Может потому, что она была чужой? В любом случае, ему захотелось объясниться, выговориться.

– Многие полагают, что непременно должно произойти какое-то событие. Ну скажем, любимая женщина разбила сердце, потерял работу и не на что жить буквально, узнал смертельный диагноз. Так проще, есть какой-то смысл и странная красота. Может у других так и происходит. Самое отвратительное, что моя жизнь слишком жалкая. Понимаете? Жалкая настолько, что в ней уже давно ничего не происходит, – он покачал головой.

– Вас когда-нибудь тошнило от самой себя? – после короткой паузы добавил Михаил.

– Так бывает?

Он горько хмыкнул. За окном снова раздались раскаты грома и сверкнула молния.

– Вы пробовали лечь спать?

– Спать?! – Михаил затушил сигарету об фольгу от шампанского.

– По статистике 90% людей отказываются от идеи суицида, если поспят.

Ой, да что она понимает. Статистика... Он залпом опустошил стакан. Итого 300 мл крепкого коньяка, а он ни в одном глазу.

– Сколько времени? – опомнилась девушка.

Михаил посмотрел на часы.

– Почти 8.

Алена вздохнула. Наверно, ей пора собираться. Уходить не хотелось. Было ощущение, словно время на его кухне остановилось. И вообще она находится в другой вселенной. И если сейчас переступить порог этой квартиры, есть большая вероятность снова оказаться лицом к лицу с привычной реальностью. Фигурируют в ней только предатели.

Михаил понял, что она скоро уйдет. Он призвал все свое актерское мастерство, чтобы скрыть внезапно овладевшее

им беспокойство. Он боялся оставаться один в квартире.

– Лицо у вас знакомое, – заметил Михаил, обновляя содержимое бокалов.

Сердце Алены тревожно забилося. Неужели он помнит? Она опустила глаза и стала разглядывать пузырьки, подпрыгивающие со дна кружки.

– Старая история. Мне тогда 15 было, – с тихой улыбкой начала девушка. Удивительно, что каждое слово давалось ей с большим трудом, как будто прошедшие годы стерлись по волшебству. – Ваша труппа приезжала в Медный на гастроль. Актеров разместили на постой у местных. Вы жили у моей бабушки. Как вы мне нравились! Наверно, это была первая любовь. Я так стеснялась, что слова при вас сказать не могла. А потом, накануне вашего отъезда... В общем, бабушки не было дома, а вы куда-то собирались и в прихожей завязывали галстук перед зеркалом. Как вчера было, – она нервно хихикнула.

– Я решилась. Взяла и сказала, что люблю вас, что не смогу без вас, просила не уезжать или забрать с собой. До сих пор удивляюсь себе и до сих пор помню ваше лицо. Даже в сумерках я хорошо рассмотрела недоумение и ужас. Вы лишились дара речи. А я подумала, что тоже нравлюсь вам и поцеловала. Но не тут-то было. Вы лишь отпрянули и пообещали, что все пройдет.

В любой другой день он бы просто улыбнулся милой сказке. Но не сегодня. Он слушал ее с серьезным лицом. Да,

эту историю он знал, со своей стороны. Рассвет его карьеры. Ему, молодому парню, наконец, перестали оставлять роли стариков и начали доверять ведущих героев. Счастье в ту пору было его привычным состоянием. И ему хотелось, чтобы были счастливы все вокруг. Даже внучка хозяйки квартиры. Она выглядела лет на 10, грустно молчала и все время топталась вокруг него. У Михаила есть талант – располагать к себе человека. Он обладал им столько, сколько себя помнил. Еще с ясельного возраста вокруг него собиралась компания. Его слушали, ему доверяли свои истории. Ему просто верили. А вот подростка, похожего на гадкого утенка, ему так и не удалось разговорить. Вскоре Михаил бросил свою затею и спокойно принимал ее внимание. Он научился за ее серьезным выражением лица различать эмоции. Ей явно нравились его фокусы и забавные истории, а еще белый пористый шоколад она любила больше, чем молочный. Но когда ребенок, заливаясь горячими слезами, тихим голосом сообщил о больших чувствах... Ему было так больно за нее, что он на следующий же день съехал.

– Я вспомнил, – упавшим голосом ответил Михаил. – Вы немного изменились.

– Ваше замечание не похоже на комплимент, – она усмехнулась и потерла лоб.

Зашелестел дождь. В кухне повеяло озоновой прохладой. Шампанское заканчивалось. Пока пьешь, не особо чувствуешь, как пьянеешь. Но стоит сделать передышку, и голова

тут же начинает идти кругом.

– Я бы предпочла тысячу раз наблюдать, как мой муж милуется с моей подругой, чем еще хотя бы раз увидеть вас в ванной, – слезы подступили к горлу и не дав опомниться теплыми ручьями потекли по щекам. Михаил растерялся, вновь увидев перед собой плачущего подростка. Но еще больше он растерялся от того, что вдруг снова почувствовал себя виноватым в ее слезах. Он привлек Алену к себе и прижал к груди, уткнувшись лицом в ее макушку.

Молодая женщина неожиданно оказалась мягкой и теплой. Разве может она быть чужой? Может она роднее всех, кого он когда-либо знал. Ее тепло плавными волнами согревало изнутри. Когда она подняла голову, чтобы прижаться к нему губами, он даже не подумал отстраниться как много лет назад, и с трепетом ответил ей. А потом начал покрывать поцелуями высокий лоб, аккуратный маленький нос, бледные скулы и острый подбородок, попеременно возвращаясь к нежным губам. Из ее горла вырвался то ли вскрик, то ли стон. Она прижималась к нему, была мягкой и податливой. Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Ноша практически не ощущалась, легкая, как пушинка, и на секунду он даже усомнился в происходящем. Он опустил ее на кровать, усаживая девушку к себе на колени. Алена замороженно смотрела на него. Ее большие глаза были полны какой-то отчаянной нежностью. Она кротко улыбнулась и осторожно обняла его за шею. Голова шла кругом, не хватало воздуха,

но стало все как-то правильно, стало хорошо. Он поглаживал ее по спине, пока не нащупал пальцами тонкий замочек. Алена вздохнула, когда молния тихо прожужжала вниз. Он положил ладони на ее плечи и стянул рукава, обнажая шелковистую белую кожу. Прежде чем прижаться губами к ямке в ключице, он потянул носом вдыхая тонкий запах сладковатых духов.

Это не было наваждением. Михаил отчаянно нуждался именно сейчас в таком человеческом тепле, которое подарить мужчине способна только женщина. А Алена просто хотела его. Нет, она не забыла, что замужем. Она осознавала последствия. Но его манера целовать... отвечала она с жадностью. И целовала сама. Снова и снова. С наслаждением женщина отдавалась осторожным прикосновениям мужчины, сбрасывая прожитые годы и снова превращаясь в нежную хрупкую девушку.

4 глава

Алый шелк мягко струился по узким плечам. Прикусив губу Алена внимательно разглядывала себя в зеркальных дверях большого платяного шкафа. Тусклые спутанные волосы, отекающее лицо вкупе с головной болью и тошнотой. Что же она натворила?! Неужели у нее хватило смелости – вот так с порога и сразу в постель?! Что о ней думает Михаил? Да какая разница! Неважно, что он думает. Она хоть и была пьяна, прекрасно все осознавала. Господи, какое это легкое свободное чувство, когда можно не беспокоиться о реакции другого человека и парить в невесомости от счастья. Когда целиком и полностью берешь, в конце концов, свой грех на себя.

Алена улыбнулась растрепанной особе в зеркале. Забавно, и почему не сработала ее природная застенчивость? Она до сих пор при муже раздеваться стесняется. Муж... Женщина затянула пояс на халатике, подошла к окну и отбросила вздымающийся шоколадный тюль. Повеяло приятной прохладой, еще хранящей запах ночного дождя. Черного лексуса внизу не наблюдалось. Она заправила постель, но еще долго маршировала в раздумьях перед зеркалом. Несмотря на ужасное самочувствие, у нее было прекрасное настроение. Она не огорчилась, даже когда круглые перламутровые шарики со стуком раскатились по паркету. Порвалась нит-

ка ее любимого жемчуга. Она неторопливо собрала бусины в ладошку и наконец покинула комнату в поисках своей сумки.

Михаил курил у окна на кухне и терпеливо ждал Алену. Большие чашки в синий горох дымились на столе свежесваренным чаем. Он бы с удовольствием приготовил омлет или гренки, но кроме чая продуктов в квартире не было. Приемы пищи в его планы вчера не входили. Пожалуй, Алена была права. Надо было поспать, а точнее выспаться. Он испытывал чувство уютного покоя и старался ни о чем не думать.

Танцующей походкой в кухню вошла Алена. Она прятала глаза за большими темными очками и рукой придерживала полы халата, чтобы прикрыть глубокое декольте кружевного пеньюара под ним. Он кивнул ей, приглашая за стол. Прежде чем занять свое место, женщина приблизилась к Михаилу и быстро чмокнула его в щеку.

Алена с жадностью принялась пить чай. Видно, у девушки банальное похмелье. От пара очки запотевали, но она их не снимала. На какое-то мгновение Михаил с ужасом подумал, что она сожалеет о минувшей ночи. Конечно, с его стороны не по-мужски было воспользоваться девушкой подшофе, но и он вчера был не в себе.

Она удивленно посмотрела на две таблетки ибуклина, которые он положил перед ней.

– Выпей, станет легче.

Не проронив ни слова, Алена повиновалась. С каждым

глотком чая таял ее добрый настрой. Она видела, что он старается на нее не смотреть. И хранит молчание.

Она отставила чашку в сторону и сняла очки, но тут же надела их. От яркого утреннего солнца глаза горели.

– Ты не видел мое платье?

– Сушится на балконе.

Она понимающе кивнула. С невозмутимым видом он сделал ей еще чаю.

– Оно... кажется я пролила на него шампанское?

– Нет.

Она обессилено потерла лоб.

– Коньяк?

– Ты собиралась его постирать, потому что тебя кто-то пнул вчера, – сжалился Михаил.

Она замерла и смущенно покраснела. Его взгляд казался не таким тоскливым, как накануне. Может дело все-таки в ней?

– Надо же! Какая молодец! Еще и постирала вчера.

– Не льсти себе, стирал я.

Алена шумно выдохнула и снова попробовала снять очки. Она вдруг увидела багряно-желтые синяки на его шее. В деталях перед глазами развернулся вчерашний день. Сердце защемило от мысли, что ничего бы не было: ни вечера в его компании, ни ночи в его постели, ни утра с ним рядом, задержись она хоть на минуту. Если бы она не встретила мужа с подругой на лестничной клетке, то ни за что бы не оста-

лась, конечно. Наверно... Может это судьба? Ее судьба. Когда кружка опустела, она подошла к мужчине и робко обняла за плечи.

– Больно? – тихо спросила Алена, нежно коснувшись его шеи.

Он отрицательно покачал головой.

– А ты всегда носишь с собой пижаму?

– Это не пижама, – улыбнулась она и скривилась, вспомнив первоначальное предназначение шелкового комплекта.

Он накрыл ладонью ее пальцы, длинные, теплые с аккуратными розовыми ногтями.

– Через несколько дней в Екатеринбурге будет проходить ярмарка хэндмэйд. Впервые мои работы примут участие в выставке и за мной пятичасовой курс мастер-класса. Билет на сегодня. Это займет почти две недели, – женщина замолчала.

– Чем ты занимаешься? – проявил неподдельный интерес Михаил.

– Делаю кукол.

Он улыбнулся. Творческие натуры всегда притягивали его как магнитом.

– Поехали со мной? – прошептала Алена ему на ухо. Меньше всего ей хотелось сейчас возвращаться к супругу, еще меньше – уходить от Михаила. Одно его слово и она останется с ним, будет с ним до конца.

Он отстранился и аккуратно стащил с нее очки. Лицо

Алены было спокойным и мягким. Однажды из-за женщины Михаил сбежал из монастыря, хотя горячо желал принять постриг. Бесконечные молитвы и тяжелая работа как нельзя лучше исцеляли душу, измотанную изнуряющей жизнью циркового клоуна. Но женщина заставила не просто ожить, а воспрянуть, взлететь, расправить крылья, снова научила мечтать и желать чего-то больше собственного упокоения. На ней он, кстати, потом и женился. Алена чем-то сильно цепляла, хотя по вкусу ему совсем другие женщины: высокие, статные, уверенные в себе. Она спасла его, подарила желанный покой. Но с такими не взлетают. А если остаться рядом, то рискуешь загнить в теплом нежном болоте. Или чего хуже: сломать ее.

– Я думаю, ты должна поехать сама, – тихо ответил Михаил. Он и так слишком грубо вмешался в ее жизнь.

Она согласна кивнула.

– Значит мне пора.

Михаил спокойно наблюдал, как Алена обувается в прихожей. У нее странные туфли. Темно-коричневые с круглым носом, на платформе, с несколькими рядами кожаных полосок, плотно облегающих щиколотку. Оглушая вжикнул замок на правой пятке, затем на левой. Смешно заурчал ее телефон.

– Такси, – тихо сообщила Алена.

Оплатить по закону жанра должен он, но это так пошло.

– Можно тебе позвонить? – вдруг выпалил Михаил.

Она молча достала из сумки блокнот и торопливо нацарапала остро заточенным карандашом ряд мелких цифр. Забирая бумажку, он ненадолго сжал ее пальцы. Она осторожно высвободила их и переступила порог, одарив его напоследок короткой улыбкой. Лифт жалобно заскрипел. В квартире снова воцарилась тишина.

На добротной лавке из некрашенной древесины сидела щуплая старушка с пышной химической завивкой. Лариса Николаевна, мать Алены, дама предусмотрительная. Когда ночью ей позвонил зять с вопросом, не в курсе ли она, где его супруга, она на всякий случай заверила, что дочь гостит у нее и в данный момент спит, но утром будет дома. Одному Богу известно, чего ей стоило дожить до утра. Периодически она набирала номер дочери и слушала бесконечные длинные гудки. С ней все в порядке, никаких сомнений. Так подсказывало чуткое материнское сердце. Главное, чтоб она не натворила дел. Хотя на нее это совсем не похоже. Эта вся ситуация вообще не про нее. Но! Все в порядке. По-другому быть не может.

Как только забрезжил рассвет, мать при полном параде помчалась к дому Алены и устроилась на лавке у подъезда. Пышные кусты сирени с почерневшими цветами на макушках надежно скрывали ее от посторонних взглядов и дарили желанную утреннюю прохладу. Женщина терпеливо ждала, полагаясь на интуицию. И все же, когда вдалеке замаячила

знакомая фигура, Лариса Николаевна облегченно выдохнула.

Алена остановилась возле лавки и растерянно уставилась на мать. Строгое хлопковое платье, черная лаковая сумочка и плетеные туфли на приличном каблуке. Мать себе не изменяла. Они не виделись два года и практически не общались, если не считать коротких телефонных разговоров по большим праздникам. Все же она постарела. Тщательная маскировка седины краской цвета темного каштана не спасала. От гнева до боли знакомые черты лица казались острее. Обжигающе холодным взглядом она приказала дочери сесть. Как под гипнозом Алена опустилась на лавку, предусмотрительно уложив перед собой бумажный пакет, отделяя от матери свое личное пространство.

– Как всегда пахнешь ландышами, – с наигранной веселостью отметила она, поморщившись от приторных духов пожилой женщины.

– Где ты была?

– У мужчины, – просто ответила дочь.

– Твой мужчина звонил мне ночью от того, что не наблюдал тебя рядом.

– Боюсь, он уже не мой.

Лариса Николаевна всплеснула руками. На ее дряблых скулах нервно заиграли желваки.

– Невероятно! Отец в гробу перевернулся.

– Увы! Только не от того, что я один раз не пришла ноче-

вать домой.

– Я всегда знала, какой ты фрукт. Сегодня прикрыла тебя, – после долгой паузы надменно сообщила мать. – Не благодари и в следующий раз думай своей башкой. Кому ты нужна?! Уже не девочка. Не работала ведь ни дня и далеко не красавица. Дмитрий твой просто загляденье. И при положении, и при деньгах. На таких молиться надо, а не шляться по ночам. Жаль, что Ладе так не повезло. За что столько бед и страданий бедной девочке!

– Лада может теперь подсуетиться. Хотя без обид, но у нее нет шансов.

Лариса Николаевна соскочила с лавки и отвесила дочери оплеуху.

– Скурвишься – к нам не приходи, – и быстро заковыляла прочь.

– Вот и поговорили, – пробормотала Алена, не сводя взгляда с бегущего каштанового одуванчика.

Дмитрий с остервенением крутил педали велотренажера, когда щелкнул замок в прихожей.

– Лена! – сразу начал напирать он, но осекся, увидев супругу.

С поникшим лицом она безуспешно дергала замок на туфле. Зажатый под мышкой бумажный пакет сильно мешал ей.

– Что случилось? – упавшим голосом спросил мужчина.

Его влажная от пота грудь высоко и часто вздымалась над кубиками пресса. Алена отрицательно покачала головой и в обуви прошла на кухню. Как только она опустила пакет на стол, он беспардонно раскрыл его и извлек на свет бутылку Шардене и банку оливок. Господи, да ведь она обычно даже рюмку вина не в состоянии осилить.

– Это что? – он схватил ее за плечи и с силой тряхнул. Она должна объясниться.

– Вино и оливки, – безучастно ответила девушка. Она протянула мужу штопор. – Открой, пожалуйста.

– Во-первых, – он безжалостно бросил штопор на стеклянную столешницу и снова начал ее трясти, – алкоголь и консерванты. Во-вторых, я всю ночь не спал, обзвонил больницы, морги, даже к Жанне ездил. В-третьих, ты похожа на шлюху. Вся потрепанная и явно с бодуна. В таком состоянии приличные женщины от матери не возвращаются. Я жду объяснений.

– Ты изменяешь мне, – вдруг прошептала Алена.

Он прикрыл глаза, тяжело вздохнул и отпустил жену.

– Что за вопрос? Конечно, нет. С чего ты взяла?

– Разве я спросила?

Она недоверчиво посмотрела на него и отвернулась к кухонному серванту с блестящими лазурными панелями.

– У тебя месячные? – раздраженно стукнул кулаком по столу Дмитрий.

Хотя, чего это он? Для его тихой спокойной супруги не характерны скачки в настроении, тем более из-за смены гормонального фона. Просто он в бешенстве со вчерашнего дня. Сначала его разозлила Жанна. Она снова завела песню о том, как ей надоела роль любовницы. После тренировки он поспешил домой, чтобы наконец расслабиться и отдохнуть. Так поначалу и было. Пока он не обратил внимание, что в мастерской не горит свет. На телефон эта тихоня не отвечала. После заверений тещи он наконец с легким сердцем лег спать, предвкушая извинения и очередную сопливую историю. Она же возвращается домой в непотребном состоянии и ничего не объясняет. Никогда с ней такого не бывало раньше. Ситуация явно вышла из-под контроля. Это бесило его не на шутку.

– Мира с матерью, как я вижу, не получилось? – смягчил тон Дмитрий.

Так и не ответив, девушка поставила на стол хрустальный бокал. Она взяла бутылку, сорвала этикетку с пробки и, вонзив острие штопора, начала проворачивать. Вскоре раздался глухой хлопок. Пару минут она крутила на свету бокал с рубиновой жидкостью, как будто любовалась, а затем сделала глоток и облегченно прикрыла глаза.

– Надо было брать шампанское, – тут же поморщилась Алена. – Помнишь, как ты уговаривал меня на пиво в первое свидание? И ведь был на такое способен.

Она фальшиво усмехнулась. Алена всегда восхищалась

мужем. И не потому, что он состоятельный красавец. Родители воспитывали ее слишком строго, почти деспотично. Друзья в их доме не приветствовались, родня тоже. Никаких мужчин до свадьбы и самостоятельных решений. Димка стал для нее глотком свежего воздуха. Прекрасные манеры в купе с легким характером сделали свое дело. Она влюбилась по уши. Где же ее любовь теперь?

Дмитрий настороженно следил за супругой. Что-то изменилось. Про таких как она говорят ни рыба, ни мясо. Но вот именно сейчас он не решался с ней спорить. Лихорадочный блеск в ее глазах настораживал. В надежде привести супругу в чувства, он сжал тонкие запястья и рывком притянул ее к груди.

– Что она тебе наговорила?

Дмитрий постарался придать голосу участие и заботу. Когда ее спина затряслась от рыданий, он нетерпеливо посмотрел на часы.

– Прости, прости, – захлебывалась слезами супруга.

– Все хорошо. Не волнуйся. Я все понимаю. Я с тобой. И я люблю тебя, – автоматной очередью летели слова.

Через пару минут всхлипы затихли.

– Я сегодня уезжаю, помнишь? – спросила Алена и выскользнула из-под его рук. Его объятия вдруг показались неприятно липкими, сильный мускусный запах раздражал.

– Конечно. Сделаешь морковный сок? Опаздываю на работу, – попросил мужчина и заторопился в душ.

– Меня тошнит. Крути сам свой сок.

Ее отказ сделать сок удивил его больше, чем все происходящее со вчерашнего вечера. Нужно разбираться с этим. Она должна ответить за свои выходки. Но сегодня нарушать ритуал гигиены из-за нее не стоит.

Холодный душ невероятно бодрит, заряжает позитивом на весь день. А какой упругой и подтянутой становится кожа при регулярной процедуре! Ведь было время, когда сердце уходило в пятки, и Дмитрий не мог думать ни о чем, кроме ледяной воды, струящейся по спине. Теперь же он чувствует себя обделенным, если по какой-то причине не успел принять душ.

Несколько раз мужчина подставил голову под холодный водопад. Но желанной бодрости так и не обрел. Самый простой способ вновь почувствовать себя спокойным и довольным жизнью – выбросить из головы ненужные мысли. Начинать нужно с простого. Ну что сделаешь, если вчера он так замотался, что не успел приобрести бамбуковые боксеры и теперь не сможет надеть новые легкие брюки цвета синей джинсы, иначе под облегающей тканью будут просвечивать швы от трусов. Он задержал дыхание и от души простил себя. Легче не стало. Другие мысли как назойливые насекомые не давали покоя. С нетерпением он ждал отъезда жены, предвкушал приятные вечера и еще более приятные ночи в обществе настоящей богини. Он сходил с ума от Жанны. В ней ему все нравилось: запах (он даже духи такие по-

дарил супруге, она воспользовалась ими всего раз и это было отвратительно. Иногда искусственные цветы поливают дешевой парфюмерией. Эффект был тот же самый), ее цыганские черные глаза, в которых просто пропадаешь, манера говорить низким грудным голосом, грациозность идеального тела и внутренняя сила. Ее строго дозированная рубиновая улыбка сначала вгоняет в ступор от восторга, а затем пробуждает желание жить и бороться, если уж такая женщина тебе улыбается. Сравнить с ней Ленку, все равно что серую тряпку с утренней розой. Однако отпуск в Турции (официально он, конечно, был в командировке), проведенный вместе с возлюбленной, перевернул все с ног на голову. Она требует развода, и пока дело не сдвинется с мертвой точки, пообещала его не принимать. Вся беда в том, что у него слишком много причин не бросать жену. И дело даже не в том, что Дмитрий понимает, такой спокойной жизни как с супругой у него не будет ни с одной женщиной. Он очень ценит свою свободу. И Лена дает ее сполна. Сцены, скандалы – это не про их семейную жизнь, даже не смотря на ее идею-фикс родить во что бы то ни стало. Они больше партнеры, чем муж и жена. В принципе, со скромной образованной супругой и на людях появится не стыдно. Этот брак ему навязал отец, который был дружен с отцом Лены и состоял с ним в партнерских отношениях. Ему нужно было жениться для дела, а точнее ради огромной швейной фабрики, которую сам же и развалил через пару лет после смерти тестя. Но деньги в се-

мье супруги по-прежнему водились. Да, у нее плохие отношения с матерью. Но чем черт не шутит! В любом случае, ее ждет немалое наследство. Хочешь-не хочешь, а нужно Ленку терпеть. К тому же Дмитрий нацелился на политическую карьеру. Он страстно желал депутатский мандат. И развод испортит ему репутацию.

Голова разболелась от невеселых мыслей. Он зашел на кухню, все еще надеясь на стакан свежеприготовленного морковного сока, но не обнаружил ничего, кроме початой бутылки вина и пустого бокала.

Когда в ванной зашелестела вода, Алена открыла банку с оливками и жадно отправила в рот несколько соленых ягод. Болело все тело, казалось, на нем не осталось живого места, мутило, и в висках нестерпимо пульсировало. Полегчало только после соленого. Теперь понятно, почему похмеляются огуречным рассолом. Она зашла в мастерскую и закрыла за собой дверь. При виде маленькой родной комнаты, щедро залитой солнечным светом, она наконец спокойно вздохнула.

Мастерская была словно из сказки (за это она тоже была благодарна мужу. Своим согласием выделить супруге целую комнату в четырехкомнатной квартире он поддерживал ее творческие порывы). Стены покрывали теплые желтые обои в розовый цветочек. Пресвятая Богородица и святая Елена с кротостью и любовью взирали с икон на входящего. Пря-

мо под ними располагались полки, уставленные большими картонными коробками, в которых «спали» готовые куклы. В тон обоям окно обрамляли простые ситцевые занавески. В двух больших сосновых буфетах и широком комоде хранились ровные стопки тканей пастельных тонов, катушки с кружевами, краски, кисти, фурнитура, локоны. Один угол был оборудован охапками сена, деревянным колесом и маленькими расписными скамеечками для кукольных фотосессий.

Алена села за рабочий стол у окна и опустила голову на прохладную гладкую поверхность сосновой столешницы. Она невольно втянула запах, исходящий от себя. Пахло Михаилом. Его кожей. Настолько сильно, что просто удивительно, как муж не заметил. Что теперь будет? Еще сутки назад все в ее жизни было ясно как солнечный день. Когда же несколько минут назад Димка обнял ее, она едва сдержалась, чтобы не ударить его. Дымка утреннего счастья растаяла бесследно. Осталась тупая ноющая боль в душе. Когда двери лифта захлопнулись, и Михаил начал удаляться с каждым этажом на световые годы, Алена тихо заплакала от горя. Ей было больно, что он не попросил остаться. Не попросил. Что же теперь делать? Как ей теперь жить с мужем?

В попытке заглушить воющий внутренний голос, Алена щелкнула кнопку маленького радиоприемника и в следующую секунду подскочила как ошпаренная. Глубокий, бархатистый голос беззаботно раздавался из динамика и окатывал

волной позитива. Она слушала старый анекдот про капитана и коричневые штаны в исполнении Михаила. Он смеялся.

– Друзья, не зря говорится, что наша жизнь состоит из мелочей. Добавьте пару-тройку приятных моментов, и обычный будний день станет ярким и запоминающимся. Удачи, дорогие наши слушатели! До встречи завтра на волне...

Она выключила приемник и толкнула его в корзину с обрезками.

– Надеюсь, я сделала твой вчерашний день ярким и запоминающимся, – безучастно пробормотала Алена.

Она сняла с полок несколько коробок и с осторожностью, больше применимой к младенцам, начала извлекать кукол на свет. Ангельские личики с огромными глазами, пышные локоны, тщательно продуманные наряды с жакетами и многоярусными юбками. Глаза Алены засветились теплотой. Только куклы – единственное настоящее, что есть в ее жизни. Кукла уж точно не предаст, не обидит грубым словом, а будет тихонько ждать, где ты ей велишь.

Алена всегда жила так, как хотели другие. Сначала родители пытались вырастить гимназисток из дочерей. Уроки английского, фортепиано, танцы. Лада быстро провела революцию, забросив все курсы. Алена занималась. Если язык и музыка ей еще хоть как-то давались, то танцы совсем не ее. На каждом уроке она страдала от дискомфорта и стеснения, но все равно ходила. Отдушиной была бабушка. Девочка с удовольствием слушала ее неторопливые рассказы о дет-

стве в послевоенные годы, не сводя взгляда с иголки, ловко снующей в узловатых морщинистых руках. Бабушка научила ее кроить и шить. Ее первая кукла вышла сутулой, с примитивными глазами-пуговицами. Но Алена ее любила. Процесс увлек девочку раз и навсегда. Каждый свободный час отныне она посвящала шитью.

На семейном совете было решено, что удел старшей дочери – филология, а младшей – экономика. Слава Богу, литературу Алена любила. Девушка давно выросла, но родители по-прежнему за нее решали. А она их по-прежнему слушала. С замужеством они наконец отступили. Теперь она жила так, как хочет Димка. Ему нравилось, что она дома, банально готовит обеды и гладит его рубашки. Ему нравилось, что она не строит карьеру и всю себя посвящает ему. Иногда можно было даже обходиться с женой без особых церемоний. А уж после смерти тестя тем более. Правда, теперь она наконец смогла отдаться любимому делу. Самое замечательное – что кукол покупали, хоть и стоили они как коллекционные, совсем недешево.

Дмитрий ее успех всерьез не воспринимал, но и не мешал, за что она ему всегда была признательна. А мама и слышать об этом не желала. Она считала Алену бездельницей и глубоко сожалела, что слишком баловала в детстве. Удачное замужество – лучшее, что было в жизни дочери. И даже этого лучшего она добилась не сама, а благодаря связям отца, тогда как младшая любимица осталась не удел.

Хлопнула входная дверь. Супруг ушел на работу не попрощавшись. До обеда она собирала вещи, бережно упаковывала кукол. Предстоящая поездка – ее спасательный круг. Она развеется, остынет и продолжит благополучную семейную жизнь. В конце концов, теперь она виновата не меньше Димки.

Это первое путешествие, в которое она отправлялась одна. Никто ее не провожал, чему она была несказанно рада. Сегодня ее брак мог не выдержать еще одной встречи с супругом. Наблюдая убегающую за окном поезда выцветшую степь и прихлебывая кофе из пакетика, Алена сожалела, что не позволяла себе подобного удовольствия раньше. У нее был роскошный дом, изысканные ювелирные украшения, дорогая еда, красавец-муж. А как оказалось, для настоящего блаженства достаточно чашки горячего напитка и прикосновений рук желанного мужчины! И кто знает, что скрывается за новым горизонтом...

5 глава

Шумная компания у окна невольно привлекала внимание посетителей китайского ресторана. За большим круглым столом сидели и писаные красавицы, и статные мужчины, безвозрастные толстушки и забавные толстяки. Собралась вся труппа без исключения. Многие, увы, не дождались этого дня. Окончательно разочаровавшись, кто-то покинул родной город в поисках лучшей доли, а кто-то подался в иные сферы. С счастливыми лицами люди любовались театром, гордо возвышающимся над голубыми елями и круглыми шапочками карагачей. Пару дней назад строители разобрали леса и сняли грязные тряпки, так долго скрывавшие здание. Театр стал выглядеть иначе, по-современному, стильно. Это уже не громоздкая советская постройка.

Артисты оживленно обсуждали 2 новых этажа пирамиды театра, зеркальный фасад, мощные колонны, отделанные коричневым гранитом, просторное крыльцо с бронзовым Пушкиным на лавке. Они со смехом вспоминали, как им тяжело работалось все это время в ДК Metallургов на тесной сцене, без оркестровой ямы, подходящей акустики, освещения, примерок и самое главное почти без зрителей, предвкушали успех и высокие гонорары. Особенно подзадоривали компанию Михаил и его любимец, Георгий Диккир, лысый старикашка с маленькими смеющимися глазками.

Бледный долговязый юноша сидел подле Волкова, жадно ловил каждое его слово и звонко смеялся над шутками. В прошлом году Никитский окончил школу актерского мастерства при театре. Парень подавал надежды, и Михаил предложил ему место в труппе. Тот же боготворил своего учителя и использовал любую возможность оказаться рядом. Михаил использовал любую возможность отделаться от прилипалы. И дело не в том, что в кулуарах уже поговаривают о якобы нетрадиционных взглядах худрука на жизнь, просто претило такое внимание.

– Молодой человек! – хрипло жаловался официанту в черном фартуке Диккир. – Обычную солянку здесь не подают? Очень сложно разобраться с этими сянками в вашем меню.

– Да ничего сложного! – заверил его Михаил.

Пара ловких движений и он (к большому неудовольствию Никитского) занял место возле старика, под томным взглядом молодой актрисы с платиновыми локонами и пышной грудью. Прежде чем начать просвещать коллегу, он на секунду побледнел. Но девушка напрасно приняла его замешательство на свой счет. Он всего лишь отвлекся на гостей в дальнем углу. Статный брюнет в деловом костюме оживленно беседовал с чопорной пожилой дамой в атласном платье цвета спелой вишни, вероятно, матерью. Теперь понятно в кого у него тонкие восточные черты и гордая осанка. Михаилу довелось общаться с женщиной лишь однажды, пару месяцев назад, когда они с Дороховым в очередной раз пришли

с протянутой рукой в комитет по финансам. Но его образ врезался в память до мелочей. Именно этот чинуша с тяжелым высокомерным взглядом задал тогда вполне резонный вопрос: кому же нужен театр. Его мать на манер Никитского внимательно слушала сына, нахмутив идеально вычерченные брови. Каждый раз, когда она энергично кивала, в такт покачивались узорчатые золотые серьги в форме полумесяцев. Рядом с ней сидела молодая женщина. Вела она себя отстраненно и выглядела уставшей. Поначалу он усомнился, что это Алена. Ее волосы были затянуты в пучок, челка опущена, а нежно-розовое платье свободного кроя с пышными рукавами неплохо скрывало пугающую худобу. Ряды тесемок на коричневых туфлях окончательно убедили Михаила.

Эта нечаянная встреча не вовремя всколыхнула его душу. В одну минуту он остро ощутил все свое несчастье, о котором вроде бы начал забывать с возвращением в родные пенаты. А ведь в какой-то момент он даже настроился на лучшее. Однако все по-прежнему. Он по-прежнему с огромной скоростью несется к точке невозврата.

Целый месяц, мучась от бессонницы по ночам, Михаил вспоминал полоску белого света и желанное облегчение вслед за резкой болью в груди. А затем на него напал липкий ужас. Как же ему было страшно в ту короткую секунду, когда свет резко погас. Не проходило и дня, чтобы он не вспоминал об Алене. Временами он злился на нее за то,

что она так просто ушла, и на себя за то, что оказался слишком сильным, чтобы отпустить ее. По утрам после чашки крепкого черного кофе он немедленно включался в работу, исполняя обязанности на автомате. Задорно шутил в радиоэфире, с деланным интересом вел курсы по технике речи для начинающих телеведущих, механически занимался текущими делами худрука. Пару часов в день Михаил обязательно уделял ученикам группы актерского мастерства. В городе их на лето осталось немного, но он бы и для двоих ежедневно отпирал зрительный зал. Это самые легкие и светлые минуты в его сутках. Горящие взгляды юнцов, их желание пробовать, вера в себя и принципы абсолютного максимализма, когда все до боли просто, черное без примеси белого и наоборот. С воспитанниками театральной школы Михаил словно сбрасывал беспечно прожитые годы, становился живым, помолодевшим и немножко похожим на них.

Он старался занять делом, людьми каждую свою минуту, горячо желая при этом одиночества. Наступал вечер, и он, наконец, оставался наедине с собой. Но переведя дух от фальши и суеты, он снова попадал в цепкие лапы отчаяния, тоски и уныния. Затяжная депрессия не давала покоя. Острая нехватка настоящего человеческого тепла душила его крепче того злосчастного рыжего полотенца. Несколько раз мужчина пробовал обратиться к Богу. Не вышло. Он нанес оскорбление творцу. И дело даже не в этом. Он по-прежнему верил в Бога, но больше не верил в его доброту

и любовь, как ни старался. Как только он начал ошибаться, на небесах перестали слушать его молитвы. И тогда он снова вспоминал о маленькой угловатой женщине, которая не побоялась войти к нему. Она не просто развязала петлю на его шее, она спасла его, снова посеяла надежду в его грешном сердце. А затем ушла... и ни разу не вспомнила о нем. Жестоко. И неожиданно. Она смотрела на него влюблено, с подобострастием. Логично было бы, чтобы она снова появилась на пороге его квартиры. Но нет. Она осталась с ним, провела ночь, а на рассвете растаяла. Напоминали о ней лишь несколько жемчужных бусин под кроватью. Если бы она знала, сколько раз он порывался набрать ее номер. Но каждый раз останавливался, ведь прав на нее у него нет.

И вот Михаил видит ее в кругу семьи. Конечно, она его заметила, но упорно прячет взгляд. Вероятно, и ей стало неловко от их неожиданной встречи. Он снова посмотрел на Дмитрия и сжал зубы от презрения. Обидно, что она замужем именно за ним.

Алена встrepенулась, когда ладонь супруга легла на ее руку. Его миндалевидные глаза довольно светились. Он придвинул к жене длинную бархатную коробочку. Михаил отвернулся.

Однако ненадолго.

– Счет, пожалуйста! – всего через пару минут громко потребовали с противоположного конца зала. С покрасневшимся лицом супруг Алены поднялся со стула и выбросил

на стол несколько купюр из портмоне. Его мать, поправив рукой безукоризненно уложенное русое каре, гордо зашагала из зала. Он последовал за ней, не взглянув на жену.

Вскоре после их ухода официант учтиво поставил перед девушкой креманку с пломбиром, щедро политым карамелью. За непроницаемым серым взглядом давило безразличие. И для нее прошедший месяц был непростым. Она оттягивала возвращение домой как могла. Но бегство едва ли спасало. Теперь она понимала Михаила. Действительно, бывает, когда тошнит от самой себя. Когда ты настолько замурована собственными комплексами и навязанными принципами, что просто не решаешься сделать шаг к самой себе. Несмотря на заботу и мягкость, с которыми ее встретил супруг, стремления к нему она по-прежнему не ощущала. Только приступы стыда вперемежку с отвращением. Отец Сергей посоветовал бы объясниться с мужем, разрешить сомнения относительно его измены, покаяться перед ним самой и постараться сохранить семью. Брак у них венчанный. Объясняться Алена не хотела категорически. А вот сохранить семью и забыть обо всем придется в свете последних событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.